

ŻANNA ŚLADKIEWICZ

Интерсемиотический и прагмасемантический анализ цикла мемов „Дворец для Путина”

Intersemiotic and pragmasemantic analysis of the “Palace for Putin” meme cycle

Abstract. The article is devoted to the analysis of the pragmatics and semiotics in the productive comic genre of digital communication – the political meme. The empirical material consists of actual internet heterogeneous texts, created after the publication of Alexei Navalny’s film “Palace for Putin”. The comic content is viewed as a way of defusing the public tension of the sanctioned protest, an instrument for interpreting and discussing current social reality, as well as a method of demonizing a political subject “them”. The research assumes multimodality of the media environment and its products. It considers verbal, iconic and metagraphic ways of realizing the pragmatic intentions of the participants in the communication process. The author examines the initial situation (proto situation) that caused a communicative reaction of the internet users in the form of memes, analyzes the essence of a political meme as a heterogeneous text. The article describes the structural organization of memes, the syntactic and semantic relations of the verbal and iconic parts, as well as the use of intertextuality to concisely and expressively transmit new meanings.

Keywords: political, internet meme, twitter, multimodal text, comic

Żanna Śladkiewicz, Uniwersytet Gdański, Gdańsk – Polska, zanna.sladkiewicz@ug.edu.pl, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7237-5328>

1. Специфика веб-пространства как новой коммуникативной среды. Особенности интернет-коммуникации

В период интенсивного развития цифровых технологий и новых медиаплатформ, способных породить сложные комплексы знаков, вектор гуманитарных интересов смещается в сторону медиальности (привязанности смысловыражения к определенному формату), особенностей коммуницирования в виртуальном медиапространстве и проблем семиотической гетерогенности. Новая исследовательская оптика, называемая *медиальным поворотом* (*medial turn*), связана с тем, что анализ языка как статичного (существую-

щего как данность) архива семиотических систем уступает место изучению медиальных и социальных практик (Černávskaá 2015: 8–9).

Новые технологии способствуют „сжатию” пространственно-временной дистанции и создают особые возможности естественной коммуникации, фактически не подлежащей контролю. Социальные сети позволяют спонтанно и без ограничений обмениваться информацией, что превращает их в мощный инструмент общественного полилога, участником которого может стать каждый активный пользователь цифровых гипермедиа. Трансформации в сфере использования языка в кибер-коммуникации получили название *вторичной оральности* (Ong), *телеписьменности* (см.: Loewe; Wilk), а сам участник веб-коммуникации воспринимается как *wreader* (Szpunar 256), т. е. одновременно адресат и адресант, читающий и пишущий.

Опосредованная цифровыми технологиями коммуникация от традиционного общения отличается рядом коренных преобразований, которые можно свести к следующим: отход от линейности и причинно-следственной упорядоченности, появление и функционирование гипертекста, фрагментарность и глобальная когерентность текста, эллиптичность и краткость сообщения, изобилие неологизмов и неосемантизмов, а также – что особенно существенно для нашего исследования – иконизация семиосферы, симбиоз словесных, иконических и звуковых кодов, усиление фатических и игровых функций высказывания, интерактивность (см. Żydek-Bednarczuk 2014: 338).

2. Комическое в веб-коммуникации

Исследователи отмечают значительное усиление комического модуса в интернет-коммуникации и развитие таких его форм, как ирония, стеб, трагестирование культурных и языковых кодов, ср.:

- „Широкая «развлекализация» медиадискурса выражается в его устремленности увлекать, удивлять и смешить. Желание увлечь приводит к активизации игры как формы общения [...]” (Duskaeva, Kornilova 67–68);
- „[...] в Интернете ирония приобретает потенциально тотальный характер” (Gajnullina, Safina 156);
- „[...] одной из важнейших характеристик коммуникативного поведения в эпоху постмодерна, наряду с виртуальностью, императивностью и др., признается карнавальность (игровое переворачивание ценностей)” (Karasić 242);
- „[...] на лидирующие позиции претендуют жанровые формы, в которых преобладает провокативность, насмешка, сарказм, цинизм” (Pančenko 117).

Усиление игрового модуса в интернет-коммуникации обусловлено спецификой самого онлайн-общения: экстерриториальностью, анонимностью пользователей, интерактивностью, пунктирным характером коммуникации, которая может приостанавливаться и возобновляться: форумы и интернет-комьюнити модеруются, администратор может удалить некоторые комментарии, поэтому новые участники не владеют всегда „полной картиной” полилога (Gajnullina, Safina 155). Андрей Сычев отмечает, что игра в различных ее проявлениях становится одной из превалирующих форм коммуникации в сети и формирует характерные качества самого общения, прежде всего обособленность виртуального общения от повседневности, свободу самовыражения, позитивную эмоциональность (Сучев 2012). Исследователи справедливо усматривают тождество виртуальной коммуникативной среды и бахтинской стихии карнавала (Bahtin 1990: 17): обе являются зоной фамильярного контакта, отменяющего иерархические отношения и нивелирующего статусные различия собеседников, формируют специфические социальные нормы, выходят за пределы официальных регламентаций и оформляются игровым образом (Šurina 2009: 167). В большинстве случаев достижение коммуникативных задач участника онлайн-общения реализуется в виде установки на достижение комического эффекта.

В свете когнитивных теорий всевозможные отклонения от нормы и сочетание противоречивых явлений рассматриваются в качестве ведущего механизма создания комического эффекта: в основе комизма лежит „неожиданное соединение несоединимого на всех уровнях языка и речи” (Želtuhina 7). Комический эффект является следствием карнавального переворачивания принятых норм поведения (Bahtin 1986: 267), „отклонения от когнитивного и языкового стереотипа” (Panina 11). Наряду с попытками выстроить систему риторических средств создания комического эффекта, развивается идея, согласно которой в основе комического эффекта лежат не отдельные лингвистические единицы, а столкновение разных систем мышления (Teplâšina 55), взаимоналожение фреймов: „[...] общим элементом для всех видов юмора является неожиданная смена фреймов: сначала сцена описывается с одной точки зрения, а затем неожиданно (для этого часто достаточно одного единственного слова) предстает совершенно в ином ракурсе” (Minsky 293–294).

В философии и психологии комическое справедливо рассматривается как способ разрядки общественного напряжения (Frejd). Разрушающий социальные табу смех приносит обществу обновление и в отличие от активных форм протеста представляет собой „санкционированный” способ разрядки, сглаживания противоречий и получения сатисфакции (ср. Kant 352). В отношении функций комического в онлайн-общении на политические темы существенной представляется также теория превосходства, согласно кото-

рой высмеивающий субъект возвышается над объектом осмеяния, а также теория деградации, трактующая комическое как нравственную оценку косного, отжившего (подробнее: Morozova). Для общающихся в интернет-пространстве субъектов смех является инструментом интерпретации и обсуждения текущей общественной действительности (Nowak), а также эффективным приемом демонизации политического субъекта, окарикатуривания образа „чужого”. Можно заключить, что комическое в виртуальной среде выполняет „социоинженерную” функцию, оказывая влияние на общественное мнение: с одной стороны, оно может быть средством мирно выпустить „протестный пар” (теория разрядки), с другой же, утрируя вред осмеиваемого политического субъекта или исходящую от него угрозу, смех может усилить протестные настроения и модифицировать предпочтения электората.

В новых условиях коммуникации не только процветают такие традиционные смеховые жанры, как шутка, байка, анекдот (Śurina 2009), но и формируются оптимальные для цифровой среды способы передачи информации, новые форматы и жанры, одним из которых является интернет-мем, находящийся в фокусе данного исследования.

3. Мем как специфичная коммуникативная единица, ретранслятор комических смыслов

Несмотря на то, что результатом лингвистического осмысления сущности интернет-мема за последние десятилетия стали сотни работ, посвященных меметике, все еще не выработано единое определение мема. В ряде исследований интернет-мем трактуется узко как „комплексный феномен интернет-коммуникации, представляющий собой целостную, завершенную единицу, с текстом и картинкой в квадратной рамке” (Kanašina 2017: 85), в других же – весьма широко как общая идея, распространяемая в сети (Marak 134). Исследователи подчеркивают различные функционально-смысловые аспекты мема:

- 1) интернет-мем представляет собой единицу информации, циркулирующую в интернете (Börzsei; Śurina 2012: 162), лавинообразно в ней распространяющуюся (Ksenofontova 289);
- 2) интернет-мем понимается как новое средство коммуникации в компьютерно-опосредованной среде (Shifman 41; Migranova, Kromina);
- 3) интернет-мем рассматривается как особый речевой жанр, характеризующийся дискурсивной спецификой (Gorobcova, Kiselëva; Kępa-Figura);

- 4) интернет-мем трактуется как единица культуры (Brown 119), „хранилище культурных кодов сетевого сообщества” (Marčenko), „механизм передачи и хранения культурной информации” (Šurina 2014: 86), „гены культуры”, которые несут ценностный код (Bočarov, Demidov 93);
- 5) в интернет-меме акцентируется смеховой потенциал, комическое начало, функционально приближенное к интернет-шутке (Kamińska 61); ср.: „смешная и «прикольная» чепуха и ерунда, которые чем-то привлекают внимание, «лайкаются» и «репостятся»” (Golubeva, Semilet 197).

Александра Квят рассматривает интернет-мем в качестве „основной структурной единицы современного медиапространства” (Kvât), отличающейся лаконичностью и смысловостью (что соответствует клиповому мышлению современной аудитории), мобильностью (способностью легко передаваться от потребителя к потребителю), валентностью (способностью вступать в связи с другими мемами). Такие свойства интернет-мема, как вирусность, серийность, реплицируемость, эмоциогенность, медийность, минимализм формы, интерсемиотичность, юмор, актуальность, мимикрия (Kanašina 2017, 2018) делают его оптимальным жанровым образованием для передачи комических смыслов в условиях сетевого общения. В эпоху тотальной „интернетизации” коммуникативного пространства мем, как его структурная единица, соответствует общим тенденциям: стремлению современного общества увеличить информативность путем редукции речевых средств, замены их ресурсами иконического характера, а также смеховой карнавальной стихии, раскрепощенности и игровому характеру сетевого общения (Sładkiewicz 2019b: 81–82). Для понимания интернет-мема необходимо наличие общих фоновых знаний у коммуникантов, способность последних увидеть все культурные знаки, заложенные в меме.

4. Кейс-стади. Анализ материала

4.1. Ситуативно-политический контекст. Протоситуация

Благодаря описанной выше конфигурации коммуникативных ресурсов стало возможным быстрое и масштабное распространение информации о медиасобытии, запустившем многоуровневые процессы рецепции, трансформации и респонсивной реакции интернет-пользователей.

Исключительный резонанс в публичном обсуждении вызвала публикация 19 января 2021 года двухчасового расследования оппозиционного блогера Алексея Навального *Дворец для Путина. История самой большой взятки* (*Dvorec dlâ Putina. Istoriâ samoj bol'šoj vzâtki*, электронный ресурс). Фильм

набрал более 30 миллионов просмотров за первые сутки, более 50 млн просмотров и 2,5 млн лайков – за вторые (*Rassledovanie Naval'nogo o „dvorce Putina” nabralo 50 mln prosmotrov*, электронный ресурс), а на конец августа число просмотров официального ролика составляло 118 млн человек. Согласно сообщению „МБХ медиа” со ссылкой на аналитическую компанию BloggerBase, расследование стало самым открываемым ресурсом не только среди русскоязычных видео, но и во всех сегментах YouTube, выйдя на первое место еще в девяти странах, помимо России. Таким образом, данный ролик стал не только наиболее просматриваемым в истории YouTube-канала Алексея Навального, но и самым популярным неразвлекательным видео на русском языке в YouTube за всю историю (*Rassledovanie Naval'nogo o „dvorce Putina” nabralo 50 mln prosmotrov*, электронный ресурс).

Двухчасовой фильм рассказывает о самом охраняемом объекте России – роскошном дворце на черноморском побережье в районе Геленджика, который, по утверждению создателей, принадлежит президенту Владимиру Путину и финансируется госкорпорациями и состоятельными людьми из его окружения¹. Размер владения сравним с 39 княжествами Монако и составляет 17691 кв. м. Усадьба построена так, что к ней нельзя подобраться никакими путями (ролик снимали с дрона), а на ее территории находится вертолетная площадка, ледовый дворец высотой с пятиэтажный дом, церковь, оранжерея площадью 2500 кв. м., 80-метровый мост, чайный домик, казино, амфитеатр, дегустационная комната, аквадискотека, общежитие для персонала и др.

Публикация фильма Навального стала триггером для запуска ответной реакции веб-пользователей. В тот же день в соцсетях появились посты, отражающие рефлексии интернастов по поводу данного медиасобытия, а последующие комментарии пресс-секретаря Путина и самого президента стали лишь дополнительным импульсом для масштабного сетевого креатива на тему „Дворца Путина”, превратившегося в гиперпопулярный мем. Остроумное, ироничное, насмешливое комментирование проекта и убранства дворца, вкусов президента, а также самого ролика стало своего рода забавой, активизировавшей пользователей различных социальных сетей, из которых наиболее значимым в данном случае представляется Твиттер.

Появившийся в 2006 году в США Твиттер (от англ. *tweet* – ‘щебетать, чирикать, болтать’), организованный по принципу микроблогов, позволяет

¹ Спустя три дня после выхода ролика пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков заявил, что в Кремле считают фильм Навального „голословными утверждениями, чушью и компиляцией”, „враньем” и „лохотроном” (*Peskov nazval „psevдорасследovaniem” material FBK o „dvorce Putina”*, электронный ресурс).

отправлять текстовые заметки размером до 280 символов с помощью веб-интерфейса, SMS, службы мгновенных сообщений. В них может содержаться любая информация, а также прикрепленные ссылки на страницы, изображения, видео. В силу его лаконичности в Твиттере информация распространяется быстрее, чем на любом сайте или в соцсети, ср.: скорость распространения информации в Твиттере составляет приблизительно 5 мин., на радио – 30 мин., по ТВ – 2 часа (Twitter, электронный ресурс). Ограничения объема поста заставляют „твиттерян” искать выразительные ресурсы передачи смысла, образные и лаконичные способы комментирования исходной ситуации, а также сообщений других пользователей. Таким образом, развертывание комического действия в сети мыслится как трехступенчатый процесс (см. Duskaeva 2021): 1) ситуативно-политический контекст (протоситуация), 2) тексты комического реагирования (мемы, карикатуры, анекдоты и др.), 3) оценочные по отношению к респонсивным текстам комментарии пользователей, которые мы, в силу ограничений объема статьи, рассматривать не будем.

4.2. Коммуникативно-прагматический аспект. Мем как гетерогенный текст

Высмеивание ситуации, а также отдельных элементов дискурсивного поля президентского дворца выступает своеобразным способом концентрированного представления оценок веб-сообществу, участвующему в обсуждении события (не являясь при этом качественным анализом ситуации). Одним из наиболее действенных и частотных средств осмеяния в Твиттере является мем.

Инструментально исследование основано на априорной интерсемиотичности медиасреды и ее продукции, анализе вербальных, иконических и метаграфических способов реализации прагматических интенций сокоммуникантов. В настоящее время стандартной реакцией на медиасобытия становятся текстовые комплексы знаков, характеризующиеся семиотической сложностью, т. е. сочетающие вербальный язык и изображение (а также голосовые характеристики, паузацию, музыкальное оформление и др.). В этом ракурсе наиболее значимым представляется подход, сформулированный в 1990-х годах прошлого столетия в трудах социальных семиотиков Гюнтера Кресса, Роберта Ходжа и Тео ван Левена (Hogde, Kress; Kress 2001, 2010; Leeuwen). Данное направление исследований, сформировавшееся под влиянием работ Майкла Халлидея по системно-функциональной грамматике, достижений структурной семиотики и критической лингвистики,

получило название мультимодального анализа (*multimodal analysis*). Более широко идеи семиотической гетерогенности текста представлены в статье (Kiklewicz, Śladkiewicz).

Эмпирическим материалом исследования послужил корпус актуальных гетерогенных текстов объемом в 72 единицы, которые были извлечены с сайтов, в момент написания статьи находившихся в верхних строках ответов на запрос „Мемы «Дворец для Путина»” (yandex.ru, 01.07.2021; см. список источников). Целью исследования является интерсемиотический и прагмасемантический анализ собранных единиц, реализующих интенцию осмеяния.

С концептуальной точки зрения в рассматриваемом топике можно выделить несколько наиболее значимых смысловых „узлов”, „мишеней юмора”, слотов, вокруг которых в комическом ключе разворачивается рефлексия интернастов: владелец дворца (*Putin zaâvil, što ne imeet otnošenîa k «dvorcû» v Gelendžike*, электронный ресурс); аквадискотека; „склад грязи” (один из наиболее обсуждаемых объектов дворца, скорее всего, неверный перевод английского слова *mudroom*); вкусовые предпочтения президента; плесень во дворце и необходимость очередного ремонта. Композиционно мемы, вошедшие в собранный нами корпус, представляют собой разнородную группу гетерогенных текстов (от типичных демотиваторов до карикатур), однако структурно большинство из них двух- или трехчастно: 1) иконический элемент – узнаваемый кадр из ролика Навального или снимок тематически смежных объектов; 2) ироническая подпись под рисунком или текст, обрамляющий снимок сверху и снизу; 3) дополнительные графические ресурсы, например выделение цветом значимых элементов текста (рис. 2) или смайлики типа „колобок” (рис. 1), характерные для русских генераторов мемов и призванные усилить эмоциональное воздействие на адресата.

Рис. 1.

Рис. 2.

4.2.1. Синтаксический аспект

В аспекте анализа интерсемиотического взаимодействия кодов, участвующих в создании общего смысла комического сообщения, следует обратить внимание на рамочную структуру такого политического мема и тема-ре-матические отношения вербального и иконического элементов. Компоненты сообщения – тема и рема – соотносятся как известное, данное, исходное (Т) и новое, искомое (Р) (подробнее: Mathesius; Moskal'skaâ; Zolotova). Закон соотношения новой и известной информации действует на всех ступенях иерархии текста, в том числе реализуется в соотношении семиотических ресурсов мема как смыслового макрознака. В собранном корпусе можно отметить двоякий тип синтаксической корреляции кодов гетерогенного текста:

1. Словесный ряд задает тему сообщения – в данном случае это тема президентского дворца, а новую информацию задает фотография старого гаража-склада, которая сопоставляется со скромными официальными сведениями об имуществе президента и резко контрастирует с опубликованными в ролике Навального данными о стоимости дворца (рис. 3).
2. Визуальный компонент не нов, он определяет объект осмеяния (Александр Лукашенко), а вербальный ряд соотносит его с актуально обсуждаемым топиком дворца российского президента, причем соотношение происходит за счет внесения в словесный ряд названия одного из слотов данного фрейма: аквадискотеки (рис. 4).

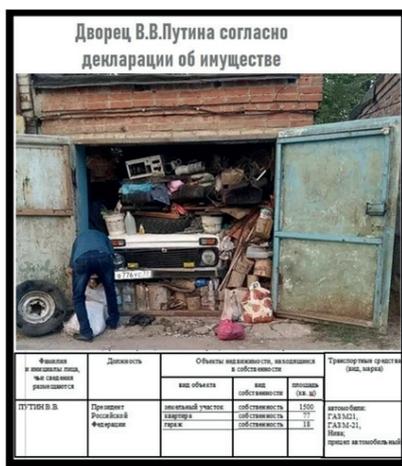

Рис 3.

10:08 AM · 20 янв. 2021 г. · Twitter for Android

Рис. 4

Отметим при этом, что восприятие реализации темы, заданной в меме, зависит от наличия общего бэкграунда и умения адресата увидеть и понять все значимые элементы коммуниката. Так, на рис. 5 большую смысловую нагрузку несут вербальные негативно-оценочные элементы, как *путриоты* (блендинг лексем ‘патриот’ + ‘Путин’), *халупы*, *разбухшее ДСП* и *Михал Иванович* – конспиративный оним Путина, по признанию Сергея Колесникова (*Dvorec dlâ Putina*, электронный ресурс). Рисунок 6 отсылает к знанию широкого социально-политического контекста и мер по подавлению белорусского протестного движения года после президентских выборов 9 августа 2020 года; в вербальной же части сообщения актуализированы элементы, коррелирующие с идиолектом Лукашенко.

Рис. 5.

- Хачу аквадыскатэку как у Пуцына!
- Зачем тебе аквадискотека, как у Путина? У нас есть аквадискотека дома!

Аквадискотека дома:

8:16 AM · 20 янв. 2021 г.

①

Рис. 6.

4.2.2. Семантический аспект

Между вербальными и иконическими компонентами поликодового текста семантические, модально-оценочные ключи могут образовывать разные типы отношений – гармонировать и совпадать, отличаться градуальностью или же полностью противоречить друг другу (Śladkiewicz 2019a: 198–200). В корпусе мемов, появившихся в соцсетях как реакция на ролик о дворце Путина, можно обнаружить следующие типы семантической корреляции между гетерогенными составляющими текста (Tomaszkiewicz 59–62; Wójcicka 89–95):

1. **Эквивалентность** (субституцию) – оба компонента передают то же значение, каждый из компонентов усиливает смысловую нагрузку другого. В нашем корпусе это редкий случай. На рис. 7 редувантны

по отношению друг к другу вербальные элементы подписи к мему и „транспаранта”, инкорпорированного в иконическую часть;

2. **Комплементарность**, взаимодополнение – часть смыслов выражена вербально, а часть передана видеорядом, коды взаимно уточняют общий смысл сообщения (рис. 8). В меме-карикатуре Сергея Елкина визуальный ряд, представляющий фигуры Владимира Путина и итальянского архитектора Ланфранко Чирилло (по утверждению авторов ролика, спроектировавшего мегаломанский дворец президента), дополнены вербальным компонентом, который карикатурно передает звучание итальянской речи и усиливает комический модус всего текста;
3. **Интерпретацию** – один код трактует, как следует понимать второй, дает ключ к его прочтению и восприятию. Это наиболее частотный случай семантических отношений семиотических кодов в данном корпусе. Так, иконическая составляющая (фотожаба) рис. 9 без текстового элемента выглядит нейтрально и представляет кадр обсуждения важного вопроса ведущими политиками, в центре которых сидит Путин. Вербальный элемент „проясняет”, на какую тему беседуют политики, а разговорные единицы, использованные в диалоге (*прям, а то!*), способствуют снижению образа политического субъекта и его осмеянию. Интерпретационную рамку рис. 10, изображающего одно из помещений дворца – спальню, задает распознаваемый логотип популярной телепередачи „Давай поженимся!” и подпись „комната жениха”. Языковая игра с фраземами, с клише является одним из способов представления в ироническом ключе вида президентского дворца. Так, надпись „Дворец эпохи Возрождения” контрастна по отношению к исходному тексту (эпоха Возрождения), что имплицитно соответствует коннотации в текст мема;
4. **Параллелизм** – оба кода могут существовать и быть восприняты самостоятельно; связанные общей темой в едином меседже, они создают когерентный текст. Так, верхняя часть сопоставительного мема (рис. 11) представляет собой наиболее реплицируемый в этом цикле мемов вид президентского дворца с дрона, указан и метраж владения. Нижняя, вербальная, часть вводит в мем вторую мишень осмеяния: „Лукашенко распорядился вырубить 35394 м² Беловежской пуши для строительства скромной резиденции-отеля семейного отдыха”. Ироническое прочтение текста усилено за счет использования советского лозунга „Догнать и перегнать!”, оценочного компонента *скромная*, а также числового маркера, который вдвое превышает показатели российского дворца;

5. **Противоречие** (противопоставление) – гетерогенные элементы сообщения семантически контрастируют друг с другом. Такая организация мема наиболее характерна для передачи иронических смыслов. На рис. 12 узнаваемый вид сверху резиденции Путина помещен между двумя вербальными рядами. Верхний представляет собой заголовок новостной статьи о дефиците бюджета в 58 российских регионах, а нижний носит оценочный характер и соотносится с фотокадром и верхним словесным блоком: „Скромная дача великого стратега и борца с коррупцией, где с бюджетом все прекрасно”. В тексте реализуется характерный иронический прием „осуждение через похвалу”, когда глубинный оценочный слой прямо противоположен поверхностному, выраженному дословно (ср. комментарий в Твиттере: „Глядя на яхту Усманова за 600 миллионов долларов, я никогда не мог понять – ну зачем это одному человеку? После интерьеров дворца Путина никаких вопросов к Усманову, этому скромнейшему человеку, у меня больше нет”).

Рис. 7.

Рис. 8.

- Что, прям казино и кальянная есть?
- А то!

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12.

4.2.3. Интертекстуальный аспект

В силу критерия лаконичности в сетевой коммуникации экспрессия и смысловая многослойность достигаются путем включения в состав мема прецедентных единиц (имен, высказываний, текстов и т. п.), т. е. укорененных и общеизвестных в определенной социокультурной практике, узнаваемых ее участниками. Прецедентные тексты выступают носителем общезначимых смыслов, позволяя передать их кратко, точно и выразительно. Понятие прецедентности, введенное в научный обиход Юрием Карауловым (Karaulov 216), коррелирует с представлениями об интертекстуальности в широком ее понимании (инкорпорировании одного текста в другой). Прецедентные тексты создают „презумпцию интертекстуальности”, которая входит в предречевую готовность человека (Černâvskaâ 2021: 103). Интертекстуальные отсылки могут быть: а) имитацией чужого произведения (неточное сходство текстов, не искажающее узнаваемость претекста), б) точным воспроизведением исходного текста (паремии, цитаты и др.), в) отсылкой к чужому тексту (разного рода аллюзии, реминисценции) (Kanašina 2019: 136).

Так, строительство президентского дворца осмысляется в категориях безысходности и абсурдности, невозможности понимания системы, на которых основан роман Франца Кафки *Замок* (1926). Графическим шаблоном для создания мема 13 послужил проект обложки романа издательства АСТ 2014 года, в котором изображение замка было заменено видом дворца президента. Ироническое звучание мема может быть усилено посредством отсылки к культовым комедийным персонажам, как в случае рис. 14, на котором носитель русской лингвокультуры без труда распознает Рубика, героя

советского художественного фильма *Мимино* (1977), и воспримет с улыбкой типичные для армянина ошибки в русской речи, отраженные в вербальной части. Словесный ряд содержит намек на сходство методов правления российского лидера и расстрелянного румынского президента, аллюзию возможного тождественного исхода их карьеры. К текстовым реминисценциям можно отнести и трансформированные отрывки песен из культовых кинофильмов: „Весь покрытый плесенью / Абсолютно весь / Замок невезения / На Черном море есть” (исходный текст – песня *Остров невезения*, которую исполнил Андрей Миронов в фильме *Бриллиантовая рука*). Компонент претекста „в океане есть” заменен названием другого локуса; кроме того, к дискурсу „президентского дворца” отсылает и элемент „весь покрытый плесенью”, информация о которой появилась в рассматриваемом ролике.

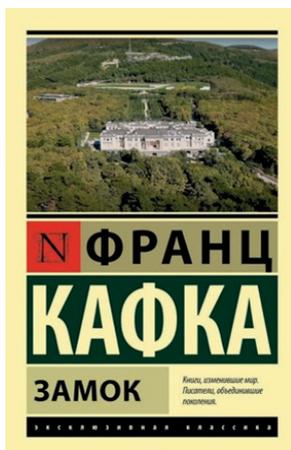

Рис. 13.

Рис. 14.

Помимо советско-российской классики, в данном корпусе мемов можно обнаружить многочисленные отсылки к таким всемирно известным произведениям, как американская комедия *Один дома* 1990 г. (интернет-пользователи усмотрели внешнее сходство Путина и Кевина, главного героя фильма), экранизация повести Джона Толкина *Хоббит* (значительная часть дворца Путина, согласно ролику, скрыта под землей, что вызвало ассоциации с жилищами хоббитов), мультфильм *Красавица и чудовище* (1991), главная героиня которого попала в волшебный замок с говорящей „винтажной” мебелью – заколдованными людьми (в качестве иллюстраций для сопоставления в мемах появляются анимационные кадры и снимки мебели из дворца под Геленджиком; мишенью осмеяния являются вкусовые предпочтения президента).

При восприятии политического мема на первый план выходит интер-визуальная компетентность адресата, в т. ч. знание предыдущих версий мемов, например, гиперпопулярного в 2020 году мема о Наташе и котях (Konstantinova) в рис. 15. Модификации здесь подверглась вербальная составляющая, которая в меме указывает на друга Путина, российского миллиардера Аркадия Ротенберга, объявившего себя бенефициаром дворца под Геленджиком. Генерируя новый смысл, интернавты используют определенную палитру кодов, „упаковывая” новый смысл в узнаваемую рамку, как и в случае мемов паблика *Страдающее средневековье* (подробнее: Śladki-wicz 2022) – рис. 16.

Рис. 15.

Рис. 16.

Заключение

В статье нами были прослежены две ступени развертывания комического действия в сети: появление протоситуации, которой стала публикация документального ролика, и креация текстов комического реагирования – мемов, появившихся в ответ на данное медиасобытие. В ходе анализа эксперпированных поликодовых единиц на тему „Дворец для Путина” нами была описана их рамочная структура, тема-рематическое соотношение вербального и иконического компонентов, а также типы семантической корреляции между гетерогенными составляющими мемов. Среди пяти представленных вариантов соотношения элементов, образующих рассмотренные текстовые единицы, наиболее частотной является „интерпретация”, при которой вер-

бальный код дает ключ к такому прочтению мема, которое соответствует замыслу его автора. При этом смысловая многослойность и комический эффект зачастую создаются путем включения в состав мемов прецедентных единиц как словесного, так и иконического плана. Высокая интертекстуальная плотность мема позволяет актуализировать дополнительные смысловые слоты и социокультурные коннотации.

Смеховая сущность политических мемов в функционально-прагматическом плане позволяет выполнить ряд важных коммуникативных задач в интернет-общении: транслировать определенную идею, в яркой и образной форме представить отношение к какому-либо событию, идентифицировать и интегрировать единомышленников, получить эмоциональное удовлетворение и разрядку посредством осмеяния „чужого”, виновника неблагоприятной ситуации в стране и др. (Zinov'eva 54–55).

Как показал анализ собранного материала, комический дискурс на тему политики в сегменте российских социальных сетей представлен прежде всего ироническим и саркастическим смехом. Его задачей является выражение эмоциональной реакции на исходное медиасобытие, инициирование дискуссии, речевое проявление обиды за поправное чувство социальной справедливости, являющейся абсолютной ценностью в русской культуре (Levontina, Šmelev 371–373). Интернет-пользователи, создавая политические мемы ресурсами разных семиотических систем, „выпускают” протестные эмоции, интегрируются в группе единомышленников, осмеивая действия политических субъектов, не вписывающиеся в картину желаемой политической действительности авторов текстов.

Библиография

- Bahtin, Mihail. „Formy vremeni i hronotopa v romane. Očerki po istoričeskoj poëtike”. *Literaturno-kritičeskie stat'i*. Red. Sergej Bočarov, Vadim Kožinov. Moskva, Hudožestvennaâ literatura, 1986, s. 234–407.
- Bahtin, Mihail. *Tvorčestvo Fransua Rabla i narodnaâ kul'tura srednevekov'â i Renessansa*. Moskva, Hudožestvennaâ literatura, 1990.
- Bočarov, Andrej, Mihail Demidov. „Memy, mem-virusy: ihšušnost' i rasprostranenie v infosfere i medijnom prostranstve”. *Upravlenčeskoe konsul'tirovanie*, 9 (141), 2020, s. 92–100.
- Börzsei, Linda. „Makes a meme instead: A concise history of internet memes”. *New Media Studies Magazine*, 7, 2013, s. 152–189.
- Brown, Rob. *Public relations and the social web: How to use social media and Web 2.0 in communications*. New York, Kogan Publishers, 2009.
- Černâvskaâ, Valeriâ. „Medial'nost': opyt osmysleniâ formiruêšejšâ paradigmy v lingvistike”. *Medialingvistika*, 1 (6), 2015, s. 7–14.
- Černâvskaâ, Valeriâ. „Vizual'nost' v sociokul'turnoj proekcii”. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki*, 2 (28), 2021, s. 96–109.

- Duskaeva, Lilia, ed. *The ethics of humour in online Slavic media communication*. Abingdon–New York, Routledge, 2021.
- Duskaeva, Liliã, Natal'ã Kornilova. „Fatika kak reãevaã forma realizacii razvlekatel'noj funkcii v mediatekste”. *Gumanitarnyj vektor*, 4, 2011, s. 67–71.
- Dvorec dlã Putina*. Web. 25.08.2021. <https://palace.navalny.com/>.
- Dvorec dlã Putina. Istoriã samoj bol'šoj vzãtki*. Web. 25.08.2021. <https://youtu.be/ipAnwilMncI>.
- Frejd, Zigmund. *Ostroumie i ego otnošenie k bessoznatel'nomu*. Per. Rudol'f Dodel'cev. Sankt-Peterburg, Azbuka-klassika, 2007.
- Gajnullina, Liliana, Ajnur Safina. *Trolling kak forma proãvleniã ironii v internet-prostranstve: filosofskij i kul'turno-antropologičeskij aspekt*. Web. 25.08.2021. <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/74484/1/iuro-2019-188-15.pdf>.
- Golubeva, Antonina, Tamara Semilet. „Mem kak fenomen kul'tury”. *Kul'tura i tekst*, 3 (30), 2017, s. 193–205.
- Gorobcova Irina, Natal'ã Kiselëva. „Reãevoj žanr internet-mema v sovremennom angloãzyãnom setevom prostranstve”. *Sovremennye trendy razvitiã sociogumanitarnogo znaniã*. Rostov-na-Donu, Naučnoe sotrudničestvo, 2014, s. 140–151.
- Hogde, Robert, Gunther Kress. *Social semiotics*. Cambridge, Polity, 1998.
- Kamińska, Magdalena. *Niečne memy. Dwanaście wykładów o kulturze Internetu*. Poznań, Galeria Miejska Arsenał, 2011.
- Kanašina, Svetlana. „Čto takoe internet-mem?”. *Naučnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 28 (277), 2017, s. 84–90.
- Kanašina, Svetlana. „Intertekstual'nost' kak tekstovaã kategoriã v internet-memah”. *Izvestiã Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*, 7 (140), 2019, s. 133–138.
- Kanašina, Svetlana. „Semantiãeskije osobennosti internet-mema kak polimodal'nogo diskursa”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvistiãeskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 16 (811), 2018, s. 74–80.
- Kant, Immanuel. *Sobranie soãinenij v 6 t. T. 5*. Moskva, Mysl', 1966.
- Karasik, Vladimir. *ãzykovaã spirali': cennosti, znaki, motivy*. Volgograd, Paradigma, 2015.
- Karaulov, Ūrij. *Russkij äzyk i äzykovaã liãnost'*. Moskva, Nauka, 1987.
- Keãa-Figura, Danuta. „(Internet)-mem kak novyj mediažanr. Postanovka voprosa”. *Medialingvistika*, 6 (1), 2019, s. 103–121.
- Kiklewicz, Aleksander, Źanna Œadkiewicz. „Mul'timodal'nost' – mul'timedijnost' – mul'tikanal'nost' i dr. Alternativnye formy peredaãii informacii kak problema lingvistiãeskoj teorii i terminologii”. *Biuletyn Polskiego Towarzystwa Œęzykoznawczego*, LXXVII, 2021, s. 153–173.
- Kita, Małgorzata. „Œęzykoznawcy wobec badań Œęzyka w Internecie”. *Artes Humanae*, 1, 2016, s. 111–124.
- Konstantinova, Diana. «Nataš, vstavaj, my vsëuronili»: otkuda vzãlis' memy pro Natašu i kotov, kotorye teper' bukval'no vezde. Web. 25.08.2021. <https://twizz.ru/natash-vstavaj-my-vsuyoronili-otkuda-311229/>.
- Kress, Gunther, Theo van Leeuwen. *Multimodal discourse: The modes and media of contemporary communication*. London, Arnold, 2001.
- Kress, Gunther. *Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication*. London–New York, Routledge, 2010.
- Ksenofontova, Irina. „Specifika kommunikacii v usloviãh anonimnosti: memetika, imidžbordy, trolling”. *Internet i Fol'klor*. Red. Anatolij Kargin. Moskva, Gosudarstvennyj respublikanskij centr russkogo fol'klora, 2009, s. 285–294.

- Kvát, Aleksandra. „Mediamem kak instrument političeskogo PR: kognitivnyj podhod”. *Reklama i PR*, 1, 2013, Web. 25.08.2021. <http://www.mediascope.ru/node/1254>.
- Levontina, Irina, Aleksej Šmelev. „Za spravedlivost'û pustoj”. *Ključevye idei russkoj âzykovoj kartiny mira*. Red. Anna Zaliznâk, Irina Levontina, Aleksej Šmelev. Moskva, Âzyki slavânskoj kul'tury, 2005, s. 363–377.
- Loewe, Iwona. „Logovizualizaciâ – pis'mennaâ raznovidnost' slova v televizionnom diskurse”. *Medialingvistika*, 6 (1), 2019, s. 19–34.
- Marak, Katarzyna. „Mem internetowy: informacja i transformacja w sieci”. *Netlor: wiedza cyfrowych tubylców*. Red. Piotr Grochowski. Toruń, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2013, s. 133–165.
- Marčenko, Natal'â. „Internet-mem kak hraniliše kul'turnyh kodov setevogo soobšestva”. *Kazanskaâ nauka*, 1, 2013, s. 113–115.
- Mathesius, Vilém. „O tak zwanym aktualnym rozczłonkowaniu zdania”. Przeł. Maria Renata Mayenowa. *O spójności tekstu*. Red. Maria Renata Mayenowa. Wrocław, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1971, s. 7–12.
- Migranova, Liliâ, Evgeniâ Kromina. „Internet-mem kak osoboe sredstvo kommunikacii”. *Voprosy sovremennoj filologii i problemy metodiki obučenâ âzykam*. Red. Vera Artemova. Brânsk, Brânskaâ gosudarstvenna â inženerno-tehnologičeskaâ akademiâ, 2015, s. 239–243.
- Minsky, Marvin. *Frejmy dlâ predstavlenâ znanij*. Per. Feliks Kulakov. Moskva, Ėnergiâ, 1979.
- Morozova, Anastasiâ. *Komičeskoe kak tvorčeskij modus v polikodovoj kommerčeskoj reklame*. Web. 25.08.2021. <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2017/1/komicheskoe-kak-tvorcheskiy-modus-v-polikodovoy-kommercheskoj-reklame/>.
- Moskał'skaâ, Ol'ga. „Tekst kak lingvističeskoe ponâtie”. *Inostrannye âzyki v škole*, 3, 1978, s. 9–17.
- Nowak, Jakub. „Memy internetowe: teksty (cyfrowej) kultury językiem krytyki społecznej”. *Współczesne media. Język mediów*. Red. Iwona Hofman, Danuta Kępa-Figura. Lublin, Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2013, s. 227–238.
- Ong, Walter. *Oralność i piśmienność. Słowo poddane technologii*. Przeł. Józef Japola. Lublin, Redakcja Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1992.
- Pančenko, Nadežda. „Žanrovoe svoeobrazie steba vinternet-kommunikacii”. *Žanry reči*, 2, 2016, s. 116–122.
- Panina, Margarita. *Komičeskoe i âzykovye sredstva ego vyraženiâ: Avtoreferat dis. kand. filol. nauk.*, Moskva, Moskovskij gosudarstvennyj lingvističeskij universitet, 1996.
- Peskov nazval „psevdorassledovaniem” material FBK o „dvorce Putina”*. Web. 25.08.2021. <https://www.rbc.ru/politics/20/01/2021/6008021a9a794785ee696efd>.
- Putin zaâvil, čto ne imeet otnošení k «dvorcu» v Gelendžike*. Web. 25.08.2021. <https://ria.ru/20210125/dvorets-1594535204.html>.
- Rassledovanie Naval'nogo o „dvorce Putina” nabralo 50 mln prosmotrov*. Web. 25.08.2021. <https://www.bbc.com/russian/news-55746329>, 22.08.2021.
- Shifman, Limor. *Memes in digital culture*. Cambridge–London, Massachusetts Institute of Technology Press, 2014.
- Śładkiewicz, Żanna. „Intersemiotičeskij analiz mehanizmov kreacii mediaobraza Rossii na obložkah izbrannyh pol'skih obšestvenno-političeskich žurnalov”. *Studia Medioznawcze*, 2 (77), 2019a, s. 188–204.
- Śładkiewicz, Żanna. „Mediaobraz San-Ėskobara v prostranstve vymyšlennyh mirov: sociosemiotičeskij rakurs”. *Slovo.ru: baltijskij akcent*, 2, 2019b, s. 73–103.
- Śładkiewicz, Żanna. „«Stradaûšee srednevekov'e» ili hristianskaâ ikonografiâ v kristalle sovremennoj smehovoj kul'tury”. *Wielkie religie świata w języku i kulturze. Chrześcijaństwo. Islam*.

- Dialog*. Red. Magdalena Jaszczewska, Tatiana Kopac, Wanda Stec. Gdańsk, Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2022, s. 79–94.
- Šurina, Ūliā. „Internet-memy kak fenomen internet-kommunikacii”. *Naučnyj dialog*, 3, 2012, s. 161–173.
- Šurina, Ūliā. „Internet-memy: problema tipologii”. *Vestnik Čerepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, 6 (59), 2014, s. 85–89.
- Šurina, Ūliā. „Komičeskoe v internet-diskurse”. *Āzyk. Tekst. Diskurs*, 7, 2009, s. 166–172.
- Syčev, Andrej. *Ūmor v internet-kommunikacii: sociokul'turnyj aspekt*. Web. 25.08.2021. /https://www.litmir.me/br/?b=69745&p=1.
- Szpunar, Magdalena. „Nowe media a paradygmat kultury uczestnictwa”. *Teorie komunikacji i mediów 2*. Red. Marek Graszewicz, Jerzy Jastrzębski. Wrocław, Oficyna Wydawnicza ATUT, 2010, s. 251–262.
- Teplāšina, Alla. *Žanry i formy komičeskogo vsovremennoj rossijskoj periodike*. Sankt-Peterburg, Izdatel'skij dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2006.
- Tomaszkiewicz, Teresa. *Przekład audiowizualny*. Warszawa, Wydawnictwo Naukowe PWN, 2015.
- Twitter, Web. 25.08.2021. <https://www.activetraffic.ru/wiki/twitter/>.
- Wilk, Eugeniusz. *Nawigacje słowa. Strategie werbalne w przekazach audiowizualnych*. Kraków, Wydawnictwo Rabid, 2000.
- Wójcicka, Marta. „Słowo i obraz, czyli partnerstwo semiotyczne w memie internetowym”. *Partnerstwo w komunikacji*. Red. Aleksandra Kalisz, Ewelina Tyc. Katowice, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020, s. 83–105.
- Želtuhina, Marina. *Komičeskoe v političeskom diskurse (na materiale nemeckogo i russkogo āzykov)*. *Avtoref. dis. kand. filol. nauk.* Volgograd, Izdatel'stvo VF MUPK, 2000.
- Zinov'eva, Nadežda. „Funkcii internet-memov v obšestve. Sociologičeskij vzglād”. *Internet i sovremennoe obšestvo*. Sankt-Peterburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2015, s. 54–56.
- Zolotova, Galina. „Rol' remy v organizacii i tipologii teksta”. *Sintaksis teksta*. Red. Galina Zolotova. Moskva, Nauka, 1979, s. 113–134.
- Žydek-Bednarczuk, Urszula. „Dyskurs internetowy”. *Przewodnik po stylistyce polskiej. Style współczesnej polszczyzny*. Red. Ewa Malinowska, Jolanta Nocoń, Urszula Žydek-Bednarczuk. Kraków, Universitas, 2013, s. 347–379.
- Žydek-Bednarczuk, Urszula. „Tekst medialny w edukacji glottodydaktycznej”. *Acta Universitatis Lodzianensis. Kształcenie polonistyczne cudzoziemców*, 21, 2014, s. 335–344.

Источники рисунков и изображений

- Рис. 1. Web. 15.08.2021. <https://sell-off.livejournal.com/46118721.html?replyto=29336129>.
- Рис. 2. Web. 15.08.2021. <https://sell-off.livejournal.com/46118721.html?replyto=29336129>.
- Рис. 3. Web. 15.08.2021. <https://sell-off.livejournal.com/46118721.html?replyto=29336129>.
- Рис. 4. Web. 15.08.2021. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/244194970>.
- Рис. 5. Web. 15.08.2021. <https://sell-off.livejournal.com/46118721.html?replyto=29336129>.
- Рис. 6. Web. 15.08.2021. <https://www.rosbalt.ru/like/2021/01/20/1883027.html>.
- Рис. 7. Web. 15.08.2021. <https://yablor.ru/blogs/arkadiy-rotenberg-priznal-sebya-hoz/6710195>.
- Рис. 8. Web. 15.08.2021. <https://www.instagram.com/p/CKRPJfCdZAW/>.
- Рис. 9. Web. 15.08.2021. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/244194970>.
- Рис. 10. Web. 15.08.2021. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/244194970>.

- Рис. 11. Web. 15.08.2021. <https://www.yaplakal.com/forum1/st/20/topic2221408.html>.
- Рис. 12. Web. 15.08.2021. <https://sell-off.livejournal.com/46118721.html?replyto=29336129>.
- Рис. 13. Web. 15.08.2021. <https://memepedia.ru/sklad-gryazi-i-akvadiskoteka-dvorec-putina/>.
- Рис. 14. Web. 15.08.2021. <http://topbot.t30p.ru/post480389119/>.
- Рис. 15. Web. 15.08.2021. <http://topbot.t30p.ru/post480389119/>.
- Рис. 16. Web. 15.08.2021. <https://news.myseldon.com/ru/news/index/244194970>.